

Сергей ЧЕРНОПЯТОВ

ЗАБОТОЙ МАТЕРИ ХРАНИМ

*Всегда заботой матери храним,
От колыбельных дней и до конца,
Взрослеет сын, и борется и дышит!
Так почему за именем своим
Он пишет имя гордого отца,
А имя доброй матери не пишет!*

Николай Рубцов

«Столько писал об отце, – говорит мне старый друг, – а что же ты о матери не найдёшь слов?» Да в том-то и дело, чтобы найти нужные слова о самом близком с пелёнок человеке... Эти слова должны быть другого уровня, многократно превышающие обыденную, будничную речь. В этих четырёх буквах «МАМА» всё сказано и одновременно ничего.

Об отце пишется, потому что мужчина до старости ребёнок, а это нескончаемые приключения, потому что взрослость если и достигается, то слишком поздно, женщина маленькой девочкой ощущает себя воспитательницей мужчин.

В детском саду, в котором работаю сторожем, я наблюдаю, как эти прекрасные крохотные феи смотрят свысока на своих сверстников в коротеньких штанишках. Строгость, укоризна, ментальная готовность поправить непослушного мальчика, всё это – в девочкином взгляде. А главное, материнство уже живёт в этих маленьких, ещё слабеньких ладошках, в этих пальчи-

ках, на которые надеты разноцветные игрушечные колечки. Материнство живёт в их волосах, распущенных во время праздников и водопадом струящихся по бальному платью. Материнство живёт в плавном танце, в грациозном повороте маленькой головки, головке в которой уже зародилась забота, пока ещё не осознанная, о домашнем очаге.

Насколько легко писать об Одиссее, потому что все его деяния, как на ладони. И насколько трудно о Пенелопе, переживания которой внутри. Насколько легко писалось об Арине Родионовне, с которой можно было выпить по кружке, и как трудно находить строки для трезвенника Никиты Козлова: «Дай, Никита, мне одеться, в митрополии звонят».

Только и мог сказать гений о своём ангел-хранителе. Просто заботливый человек не интересен для писателя. Снегурочка с Дедом Морозом, приносящие подарки и водящие хороводы вокруг ёлки, что говорить – чудесные существа. Что можно о них написать, им можно ещё улыбнуться с благодарностью. Но как же загораются у ребятишек глаза, когда появляется какая-нибудь нечисть в виде Бабы-яги или старухи Шапокляк, которые крадут из-под ёлки подарки. Характерные герои нужны писателям. Таков был мой отец, чью гармонию и проделки знала вся наша улица. А мама стояла у корыта и стирала. Поправляя тыльной стороной ладони упавшую на глаза прядку волос.

*Дай мне, матушка, одеться,
Я опаздываю в класс!*

Могу я вслед за поэтом сказать.

Моя мама – младшая в своей семье. Она росла самой доброй, ласковой и отзывчивой. Любимица отца, она жалела своего тятю. «Жалеть» – это слово было намного наполненнее и ёмче слова «любить». Когда я бабушку спрашивал о деде: «Баб, а ты его любила?» – она сначала не понимала, о чём это я. Но немножко подумав, бабушка произносила: «Я его жалела». Жалеючи запрягала в девятнадцатом году коня и ехала за своим молодым мужем в Томск, где он в тифозном бараке, призванный ещё при царе, тихо умирал. «Погоняю я Сивку, а по дорогам скачут то белые, то красные, то чехи, – рассказывает моя баба. – А мне тогда и девятнадцати ещё не было». Жалела и учила потом этому чувству мою маму, которая чужую боль ощущала как свою. Когда ещё в начальных классах одной

девочке объявили бойкот, мама стала её лучшей подругой.

Провожая на фронт брата, горевала чаще всех родных, когда долго не было треугольника с войны. Жалела, провожая потом своего сына, то есть меня, в армию и так же бежала за вагоном, сдёрнув с головы платок, рвалась за поездом, хотя горячие точки тогда ещё только нагревались.

Жалела после у телевизора захваченных заложников «Норд-Оста». Находясь трое суток перед экраном, мама вместе с несчастными в далёкой Москве точно так же страдала под дулами автоматов, и точно так же после штурма скорая помощь отвезла её в больницу. Потому что insult – это несколько не легче, чем отравляющий газ или пули. Моя мама всех всегда жалела, и теперь я жалею, что мало говорил ей добрых слов при жизни.

ЗАЯЦ

Серёга в первом классе единственный раз пришёл в заячьей шубе в школу. На другой день он её навсегда снял, а кличка осталась на всю жизнь. Слово «штрейкбрехер» я впервые услышал от Зайца. Урок русского и все эти деепричастные обороты никогда не грели меня. И на Серёгин призыв «А не пойти ли нам в кино» откликнулся, как никто другой. Побег с урока, что может быть прекрасней, когда ты не один, а с тобой почти весь класс! Я говорю «почти весь класс», потому что пятеро остались проходить синтаксис. Он для них оказался важнее, чем «Волшебная лампа Аладдина». Выходя в коридор последним, я всё смотрел на этих пятерых, как на умалишённых. Я не верил своим глазам, впервые столкнувшись с людьми, сделавшими свой выбор не в пользу кино. Этого чуда, перед которым для меня меркнет любая наука. И когда мы, возбуждённые, возвращались, заходили в кабинет русского языка без малейшего угрызения совести, тогда-то Серёга и произнёс это незнакомое слово: «Штрейкбрехеры», как всегда приятно картавя. Тогда я не понимал его значения. Ещё долгое время оно ассоциировалось у меня с людьми, не любящими кино. И когда свою маленькую сестрёнку звал в кинотеатр «Комсомолец», а она отказывалась, я ядовито шипел на неё: «У, шрейкбрехерша!», стараясь произносить всё именно по-зайцевски.

Произносить по-зайцевски, обвести в футбол по-зайцевски, решить задачу по-зайцевски –

это было всё знаком качества. Авторитет был непререкаем.

Впервые я увидел его в деле, когда сборная по футболу моей улицы пыталась противостоять команде, где играл этот парень. Рука в гипсе, хоть и не божественная рука Марадоны, несколько не мешала ему протаскивать мяч от ворот и до ворот без особых помех. Словно на поле не было соперников. «Кто этот инвалид?» – спрашивали у меня мои друзья, до этого гонявшие только двухцветный резиновый мячик. «Да это Заяц» – говорил я им о Серёге, как о своём приятеле. «Я учусь с ним в одном классе!» – добавлял я, не скрывая гордости. Всея своей интонацией, давая понять им, кто они и кто мы с Зайцем. Помню, на каком-то уроке речь зашла о бурлаках, и Заяц бросил скептическую реплику, на что учительница сказала: «Серёжа, как ты можешь так об угнетённых людях?». Он ответил: «За сезон бурлаки зарабатывали хорошие деньги, на которые можно было купить и дом, и лошадь, и корову, и не таскать большие баржи по Волге, но они всё пропивали в кабаках». Педагог был старше моего одноклассника на тридцать лет, а мне казалось, что Серёга взрослее учительницы на целую жизнь.

Это было полвека назад. А совсем недавно уже изрядно поредевший и поседевший класс, встретившись ласковым июнем, чудодейственно помолодел на столетие, потому что вновь отведал не только непревзойдённого юмора, но и изумительного шашлычка, приготовленного моим одноклассником, ныне большим руководителем, Серёгой по кличке Заяц.

ТОЛЯН

Корчагин – эту фамилию я впервые услышал от Толяна. Как он вкусно рассказывал о Павке. Ещё вкуснее рисовал его: мороз в сорок градусов, узкоколейку, дыру в Пашкином сапоге. Да так, что у меня начинала мёрзнуть нога под партой. «Волшебная сила искусства», – говорят знающие люди. И я приходил домой, читал это искусство у Николая Островского и понимал, что этому Островскому надо было учиться у моего друга Толяна рисовать героические картины. «А смены не будет», – заканчивал Толька свой рассказ к концу урока, и на всегдашние его озорные глаза накатывалась слеза. А пацану всего одиннадцать лет. Потом, уже в армии, он тушил ракетную установку, готовую взорваться. И газета «Красная звезда» о нём писала, как когда-то Островский о Корчагине.

На другой день, опять на первом уроке, я рассказывал другу о последнем из могикан. Но до звонка на этот раз мы с Толяном не дотянули. Выдернутые из-за парты директором, этим «Большим Змеем», который вёл историю, мы скатились по лестнице на первый этаж, к нему в кабинет, как последние гуроны (плохие индейцы), получая по головам нашими же папками, хорошо, что они были в моде, а не портфели. И наши усталые маленькие матери как могли отбивались от двухметрового историка.

Если в этот день мы сами лишили себя знаний о неравномерном развитии капиталистических стран в эпоху империализма, то на другой день была вполне объективная причина. Новая тема «Война за независимость английских колоний» прошла мимо половины класса, сильной его половины. Перед началом урока прозвучал приказ директора: «Так! Девочки – в кабинет истории, мальчики – в кочегарку. Лопаты найдёте рядом с углём».

Потом, уже в другой школе, учительница истории, которую мы звали баба Настя, удивляясь провалам в знаниях восклицала: «Вы должны были всё это пройти в восьмом классе». На что один из нас, и, конечно же, это был Серёга по кличке Заяц, бросал устало:

– Спрашивайте у девочек, они проходили.

– А что же мальчики? – удивилась учительница.

– А мальчики уголь грузили.

Недоумение всё равно не сходило с лица интеллигентной пожилой женщины. Интересно, о чём она думала? Очевидно, об эксплуатации детского труда в эпоху развитого социализма.

г. Кемерово